

UNITED WISDOM

Красота без пользы и оправдания

Смысл и путь

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

P-20-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Красота без пользы и оправдания

Эпиграф

> *Всё искусство совершенно бесполезно.*

Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея», предисловие, последнее предложение; собственный перевод с английского.

О чём эта статья

Иногда красивой встрече сразу назначают отчёт: что она дала, чему научила, как помогла работать лучше? Ответ возможен, но не всегда является условием, при котором встреча получает право состояться. Можно внимательно рассмотреть рисунок, послушать музыкальную фразу или заметить линию дерева, не обещая себе дополнительной продуктивности. Статья различает отсутствие обязательной внешней пользы и отсутствие любых условий или ответственности. Мы обратимся к кантовскому вопросу о незаинтересованном суждении вкуса, полемическому предисловию Оскара Уайльда к «Портрету Дориана Грея» и выбранным разделам десятой книги «Никомаховой этики» Аристотеля. Их основания не совпадают: эстетическое суждение, художественный парадокс и философское понимание счастливой жизни не составляют единой инструкции. Современные ситуации ниже вымышлены для рассуждения, а не взяты из исследований. Красота не обязана служить упражнением эффективности, но она также не отменяет чужого согласия, принятых обещаний и материальных условий. Рассмотрим, как оставить ей место без нового долга — теперь непременно отдыхать, восхищаться или доказывать свою культурную глубину.

I. Какой отчёт требуется от встречи

Представим человека, который рассматривает небольшой узор на обложке книги. Друг спрашивает, зачем тратить на это время. Вопрос может быть обычным любопытством: ему интересно, что именно заметил собеседник. Но может содержать требование назвать полезный результат, иначе занятие признают пустым. Эти два разговора различаются. В первом можно объяснить линию, цвет или устройство рисунка. Во втором нужно доказать выгоду, о которой человек прежде не думал. Он начинает искать оправдание: это развивает внимание, улучшит будущую работу или поможет выучить что-то важное. Такие результаты здесь не установлены. Вымышленная встреча сначала была рассматриванием; отчёт незаметно превратил её в обещание другого действия, которое ещё не произошло.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Можно спросить себя, откуда возникает требование отчёта. Оно бывает связано с реальной договорённостью: сейчас нужно закончить общую работу, и пауза затрагивает других. Тогда вопрос имеет конкретное основание. В другой ситуации никто ничего не обещал, но человек считает каждую минуту допустимой только после объяснения её будущей полезности. Это уже иной предмет. Статья не устанавливает причины такой привычки и не диагностирует человека. Она предлагает различить названное обязательство и общее требование оправдывать существование каждого интереса. У первого есть участники, условия и предмет разговора. Второе может распространяться на всё без определённого адресата. Разделение позволяет обсуждать нужное условие, не превращая весь день в непрерывную защиту права замечать красивое.

Важно также не превратить ответ в запрет спрашивать. Другой человек вправе интересоваться тем, что происходит рядом, а участник общего дела — уточнить соблюдение обещанного. Красота не создаёт неприкосновенной области, куда никто не может обратиться с вопросом. Граница касается содержания ответа: нужно ли установить конкретное условие или доказать, что всякая встреча окупится чем-то внешним? Можно назвать то, что действительно происходит сейчас: я рассматриваю рисунок и не знаю, последует ли из этого ещё какая-то польза. Это точное описание, а не отказ от ответственности. Если есть действительное обязательство, его обсуждают отдельно. Если его нет, неизвестный будущий результат не обязан становиться недостатком нынешнего внимания.

II. Без обязательной пользы не значит без последствий

Фразу «красота без пользы» легко понять слишком широко, будто произведения не влияют ни на что и никому не нужны. Здесь рассматривается другое: внешняя польза не всегда должна быть заранее заявленной целью внимания. У человека могут появиться мысли после прослушивания, а могут не появиться. Он может узнать новый факт, а может только услышать знакомую фразу иначе. Возможность следствия не делает следствие обязательным заданием. Поэтому не стоит обещать отсутствие любых изменений или, напротив, скрытую эффективность каждого красивого впечатления. В нашем рассуждении достаточно назвать выбор: я сейчас не требую от этой встречи улучшить иной результат. Будущие последствия можно рассмотреть, если они действительно станут известны, без предварительно сочинённого отчёта.

Оскар Уайльд завершает предисловие к «Портрету Дориана Грея» утверждением, что всё искусство совершенно бесполезно. Оно стоит среди полемических парадоксов о художнике, критике, форме и нравственной оценке книг. Читать последнюю строку как измеренный вывод о последствиях искусства было бы неточно. Её можно рассмотреть как вызов требованию оправдывать произведение служебной задачей, сохранив

характер самого текста. Уайльд не становится источником нашего утверждения, будто любая художественная деятельность лишена действия на окружающих. Его формулировка открывает спор о том, что именно считается оправданием. Но отдельный афоризм не решает за нас вопросы согласия, обещаний и использования чужого труда, которые возникают в конкретной современной ситуации.

Наш пример с обложкой не требует принять предисловие целиком. В нём есть резкие оценки зрителей и художественного нравоучения, которые здесь не превращаются в меру человеческого достоинства. Можно принять вопрос о внешнем результате и отвергнуть деление людей на культурных и испорченных по способу чтения. Именно ограниченное обращение к источнику позволяет думать, а не повторять литературную позицию как приказ. Красота не нуждается в защите через унижение тех, кому она сейчас не важна. Если один человек хочет смотреть, а другой нет, различие ещё не означает превосходства первого. Отсутствие обязательной пользы оставляет место выбору, но не назначает обязанность демонстрировать интенсивное восхищение в качестве новой платы за право участвовать.

III. Кант различает вопросы

В § 2 «Критики способности суждения» Кант отделяет удовлетворение, связанное с существованием предмета, от вопроса о его красоте. В английском переводе Дж. Х. Бернарда примером становится дворец. Можно осуждать растрату труда ради роскоши, не хотеть подобного здания для себя и всё же рассматривать его форму. Кант допускает соответствующие возражения, но уточняет, что сейчас обсуждается иной вопрос. Это различение не приказывает забыть людей, строивших дворец. Оно не выдаёт красивому предмету нравственного освобождения. Для нашей темы важно устройство внимания: спрашивать, красив ли предмет, не то же самое, что спрашивать, зачем его существование мне полезно или насколько оправданы условия его создания в конкретной истории.

Поэтому незаинтересованность вкуса не следует переводить как безразличие ко всему. Человек может не хотеть владеть картиной, но внимательно смотреть на неё. Он может также захотеть узнать, кому она принадлежит и как оказалась в зале. Это уже другие, вполне допустимые вопросы. Смешение возникает, если ответ на каждый из них заранее потребован от самого эстетического впечатления. Красота формы тогда должна доказать и честность владения, и полезность посещения, и правильность всей истории. Различение позволяет не возлагать такую работу на один отклик. Для проверяемых обстоятельств ищут сведения, для обещания обсуждают условия, для рассматривания называют видимое. Эти действия могут следовать друг за другом, не превращаясь в единый обязательный результат встречи.

В §§ 3–5 Кант различает приятное, прекрасное и доброе, в том числе полезное как средство. Такое различение не делает полезность плохой. Для определённой задачи средство действительно оценивают по тому, помогает ли оно её выполнить. Но не всякое внимание уже является выполнением задачи. Человек может смотреть на расположение теней, не выбирая инструмент для иной работы. В нашей редакционной мысли это позволяет спросить, не подменён ли предмет разговора: речь о красоте или о пригодности к названной цели? Если цель есть, её можно назвать. Если её пока нет, не нужно придумывать её ради приличного объяснения. Само отсутствие заявленного внешнего назначения не сообщает, что внимание было неумным или недостойным.

IV. Что выбирают ради самого действия

В X.6 «Никомаховой этики» Аристотель различает действия, желательные ради другого, и желательные сами по себе. В X.7 созерцательная деятельность представлена как избираемая ради неё самой, а не ради отдельного продукта. Это определённый аргумент о счастливой жизни и высшей деятельности, не готовая теория любого искусства. Нам полезно более узкое различие: действие иногда имеет основание в самом происходящем, не предъявляя ещё один результат. Человек слушает фразу, чтобы услышать её, а не обязательно ради записи нового навыка. Такова наша современная аналогия, а не утверждение, что всякое слушание уже соответствует аристотелевской вершине жизни. Сходство формы вопроса сохраняется вместе с различием его философских оснований.

Аристотель также отличает такую деятельность от развлечения, рассматриваемого как отдых ради последующей работы. Нельзя выдать его рассуждение за разрешение всего, что нравится человеку, или за требование оправдывать всякую красоту эффективным отдыхом. Он предлагает собственную иерархию, которую наша статья не принимает как шкалу ценности современных людей. Для темы важно увидеть два возможных ответа: я сейчас отдыхаю для определённого продолжения; мне важно само это внимание. Они могут иногда совпасть, но не обязаны. Если человек не стал работать лучше после встречи с произведением, из этого ещё нельзя заключить, что он нарушил её назначение. Такое назначение нужно было сначала действительно выбрать, а не приписать ему задним числом.

Уайльдовская бесполезность и аристотелевское действие ради себя поэтому не являются синонимами. Уайльд пишет полемическое предисловие об искусстве; Аристотель обосновывает определённое понимание счастья и созерцания. Оба текста позволяют рассмотреть границу внешнего результата, но ответы устроены по-разному. В нашей обычной ситуации не требуется сначала доказать, что внимание соответствует высшему виду человеческой деятельности. Такое доказательство вновь превратило бы

встречу в экзамен. Можно оставить ограниченный ответ: я выбрал посмотреть, и сейчас не обещаю другого результата. Он не объявляет дело величайшим, не запрещает вопроса об условиях и не связывает отсутствие полезного продукта с пустотой всей жизни. Это конкретное основание конкретного выбора, а не всеобщая оценка человека.

V. Даже отдых не обязан отчитываться улучшением

Можно незаметно вернуть требование пользы через красивое обещание отдыха. Человек сначала разрешает себе послушать музыку, а затем проверяет, достаточно ли восстановился для следующей работы. Если он действительно выбирал отдых с конкретной целью, этот вопрос может иметь смысл. Но если всякая встреча заранее обязана восстановить силы, внимание получает новое условие допуска. Неудавшийся результат превращается в обвинение: даже отдыхать не умеешь правильно. Статья не устанавливает, как нужно восстанавливаться, и не предлагает медицинской или психологической программы. Она отделяет эстетическое внимание от доказанной эффективности. Можно не знать, стало ли состояние лучше, и всё же точно описать, что человек сделал: он некоторое время слушал выбранную последовательность звуков.

Аристотелевское различение в X.6 помогает назвать инструментальный отдых, но не доказывает, что выбранная музыка его обеспечивает. Для такого утверждения понадобились бы отдельные основания, которых здесь нет. Текст философа не заменяет наблюдения конкретного состояния или исследования определённого эффекта. Поэтому наш условный слушатель может не предъявлять ни улучшения, ни ухудшения как обязательного итога. Если возникло неприятное впечатление, он может прекратить слушать; если захотелось продолжить, может рассмотреть доступные условия. Ни один выбор не должен подтверждать заранее объявленную формулу успеха. Снятие внешнего требования означает свободу не выдумывать результат, а не новое обещание, что отсутствие ожиданий непременно сделает опыт приятным и полезным.

Также не требуется всегда выбирать именно красоту. В свободное время человек может хотеть движения, разговора, обычного дела или отсутствия нового впечатления. Удовлетворение от произведения не является долгом за полученную паузу. Можно не находить ничего интересного в предложенной записи, не заканчивать просмотр и не создавать после него выразительного рассказа. В нашей редакционной границе это не свидетельство культурной бедности. Выбор внимания относится к человеку и обстоятельствам, а не к соревнованию в полноте досуга. Иначе защита красоты без полезности создаёт ещё более тонкое требование: теперь докажи, что отдыхаешь достойно и достаточно глубоко. Право не отчитываться включает возможность просто не принять такую задачу, сохранив другие реальные договорённости.

VI. У встречи есть условия

Человек может смотреть на закат без задачи стать продуктивнее, но его присутствие всё равно находится в конкретном времени. Возможно, он обещал вернуться, должен учитывать доступность места или не хочет оставлять другого ждать без объяснения. Эти условия не являются доказательством, что красота обязана приносить внешнюю пользу. Они относятся к действию людей, а не к оправданию каждого впечатления. Можно сказать: «Я задержусь ненадолго, если это не нарушит нашу договорённость». Так внимание получает определённую форму без выдуманного отчёта о будущем совершенствовании. Отказ от полезности как обязательного пропуска не отменяет вопроса, кому и что уже обещано, и не разрешает самостоятельно считать чужое время незначительным ради собственной эстетической встречи.

В X.7 Аристотель не представляет созерцание существующим вне человеческих условий: даже созерцающий нуждается в необходимом для жизни. Этот ход полезен для ограниченного различения цели деятельности и условий её возможности. Он не доказывает, что современный человек должен считать созерцательную жизнь высшей или стремиться к описанному там подобию божественного. В нашей сцене достаточно более скромного вывода: не иметь внешнего результата в качестве цели ещё не значит не иметь ограничений. Если выбранное посещение сейчас невозможно, его можно отложить, изменить или не осуществить. Такая перемена не обесценивает красоту и не подтверждает, что человеку прежде следовало заслужить её встречей с помощью полезного дела.

Кантовский пример дворца также не освобождает предмет от условий его появления. Можно отдельно обсуждать затраты, труд и социальное устройство, не превращая каждый вопрос в один вопрос о вкусе. Так же можно отдельно решать, приемлемо ли сейчас участвовать в событии, и замечать форму, которая привлекла внимание. Ответы не обязаны совпасть. Человек может увидеть красоту и отказаться от покупки или посещения по понятной причине. Ему не нужно объявлять впечатление ложным, чтобы сохранить границу действия. Обратное тоже верно: признание красивого не служит разрешением на любую цену или чужую жертву. Встреча без обязательного оправдания пользой остаётся встречей, за форму которой отвечают конкретные участники.

VII. Красивая форма не выдаёт свидетельства о поступке

Снять требование пользы легко перепутать с освобождением от всякой оценки. Тогда красивый жест начинает оправдывать нарушение обещания, а выразительная речь заслоняет то, что она делает с адресатом. Однако наличие формы и характер поступка не являются одним и тем же утверждением. В условной сцене человек может написать изящное сообщение и всё же не ответить на важный вопрос другого. Восхищение языком не закрывает этот вопрос. Можно признать удачную фразу, попросить ясный ответ и не выбирать между двумя крайностями: либо всё в сообщении прекрасно, либо ничего красивого замечать нельзя. Разделение оценок не стирает ответственности; оно помогает точнее назвать, что именно требует ответа.

В предисловии Уайльда различение хорошо и плохо написанной книги полемически направлено против её моральной классификации. Его нельзя без дополнительного основания превратить в правило о любых действиях автора, издателя или читателя. В § 5 Кант, различая приятное, прекрасное и хорошее, замечает также возможность манер без добродетели. Эти места не образуют общей этической системы, но поддерживают осторожное сопоставление: впечатление от формы не тождественно оценке нравственного основания. Уайльдовская литературная программа и кантовский анализ видов удовлетворения остаются различными. В нашей границе ни одна из них не даёт права скрывать последствия поступка за словами о независимости искусства и не требует признать всякое красивое произведение нравственно безупречным.

Поэтому обещанная красота не может заставить адресата отказаться от собственных условий. Если приглашение сопровождается давлением, человек вправе обсуждать именно давление. Если для участия требуется нежелательное раскрытие личного, он может не согласиться, даже ценя произведение. Такие вопросы относятся к форме отношений и конкретному согласию. Они не являются враждебностью к искусству. Важно также не изобретать оправдание отказа: не обязательно доказывать, что произведение плохо или встреча бесполезна. Достаточно назвать предел участия настолько ясно, насколько это уместно. Красота, освобождённая от обязанности давать полезный результат, не становится обязанностью для того, кто должен её увидеть, пережить или подтвердить своим присутствием.

VIII. Разногласие не отменяет встречи

После общего просмотра иногда требуется не только польза, но и единое впечатление. Один участник говорит о ритме и цвете, другой не находит ничего привлекательного, третий хочет продолжить разговор позднее. Если встреча допускает только одинаковое восхищение, она получает собственный обязательный результат. Теперь следует произвести правильное чувство. Можно выбрать иную форму разговора: каждый описывает то, что действительно заметил, и может не давать законченного суждения. Слова одного не доказывают бедность восприятия другого. В нашей редакционной позиции это условие уважения к участникам, а не результат исследования группового поведения. Оно не обещает согласия, близости или обязательного продолжения общего занятия.

Уайльд в предисловии связывает разногласие критиков с разнообразием и жизнью произведения. Это выразительная литературная оценка, а не гарантия, что любое разногласие полезно или что обидное обсуждение следует терпеть ради искусства. Кант в § 1 относит суждение вкуса к чувству удовольствия и неудовольствия, различая его с познанием предмета. В выбранном здесь объёме текста это помогает не превращать описание фактов в достаточное доказательство чужого восхищения. Последующие вопросы кантовской всеобщности вкуса не исчезают, но мы не рассматриваем их как готовую процедуру согласия. Сопоставление этих мест не требует общего чувства: оно уточняет различие между вниманием к произведению, аргументом о нём и ожиданием определённой реакции участника.

Разговор может сохранить конкретность без экзамена на принадлежность. Вместо требования признать красоту можно спросить, какой момент другой заметил, хочет ли он услышать чужое описание или предпочитает закончить обсуждение. Эти вопросы тоже не обязательны: внимание иногда лучше оставить без публичного отчёта. Человек не должен переводить впечатление на общий язык немедленно и не обязан объяснять своё безразличие как недостаток. При этом возможность разного ответа не запрещает аргументы, критику и изучение формы. Она лишь отделяет предложение посмотреть внимательнее от принуждения пережить заданное чувство. Общее пространство может существовать с несовпадающими впечатлениями, если участники не делают согласие условием уважения и не выдают пожелание за уже принятое обещание.

IX. Можно не закончить

Необязательная польза не означает обязательной полноты. Человек открыл книгу, задержался на странице и не продолжил; остановился перед рисунком и пошёл дальше. Такой эпизод не обязательно превращать в неудачную попытку получить весь возможный опыт. В условной сцене не было обещания прочитать книгу к определённому сроку или подготовить отзыв для другого. Если обещание существует, его следует обсуждать отдельно. Без него незавершённость может остаться обычной характеристикой встречи. Не требуется выдумывать итоговую мысль, чтобы узаконить потраченное время, или приписывать произведению скрытое воздействие, которое будто бы непременно оправдает решение позднее. Отсутствие готового рассказа позволяет не выдавать неизвестный результат за достигнутый.

Этот предел особенно важен, когда красоте поручают обязательное преобразование человека. После чтения от него могут ожидать новой глубины, примирения с жизнью или выраженной благодарности. Наши источники не подтверждают такие гарантии для конкретного читателя. Аристотелевский разговор о высшей деятельности, кантовское различение удовлетворений и уайльдовская программа искусства имеют собственные предметы. Их нельзя сложить в обещание изменения состояния после встречи с произведением. В статье нет метода восстановления или духовного упражнения с заданным исходом. Возможность остановиться включает возможность не принять навязанную цель, не оспаривая чужой опыт, которому действительно придан личный смысл, и не оценивая этот смысл как обязанность для всех.

Не завершать также не значит отрицать труд того, кто создал предмет. Благодарность, оплата или соблюдение условий доступа могут быть отдельными реальными отношениями, если они действительно существуют. Однако автор не получает обещания внутреннего изменения каждого зрителя только потому, что сделал работу. Зритель не получает права пренебрегать договорённостью только потому, что впечатление не возникло. Эти две границы можно удерживать одновременно. Внимание без обязательной пользы не предъявляет требований к чувству, но сохраняет ясность в действиях. Если время закончилось, можно уйти без обвинения себя в поверхностности и без утверждения, что произведение ничего не стоит. Это частный выбор продолжения, а не окончательный приговор искусству.

X. Не превращать свободу в новый итог

В конце встречи может возникнуть ещё одно искушение: объявить освобождение от пользы самым полезным приобретением. Человек якобы научился присутствовать, стал свободнее или наконец увидел настоящее. Это возможные личные описания, если они соответствуют его опыту; они не должны следовать автоматически из выбранной позиции. Можно закончить более скромно: сегодня я не требовал заранее известного результата от этого внимания. Такое описание относится к действию и не измеряет достоинство человека. Оно не требует противопоставить себя тем, кто ценит практический эффект, и не превращает обычное дело в низший способ жизни. Внешняя цель может быть уместной там, где она действительно выбрана, а не назначена всякой встрече заранее.

Три первоисточника помогают сохранять различия, вместо того чтобы создавать лозунг обо всём прекрасном. Кант отделяет интерес от выбранного вопроса вкуса; его полный философский проект не сводится к современному разрешению просто посмотреть. Аристотель обсуждает цель и иерархию деятельностей, включая особое значение созерцания, а не эстетическое право каждого впечатления. Уайльд полемически защищает художественную форму, не предлагая проверенного закона о последствиях искусства. Их сопоставление показывает разные основания для вопроса о внешнем результате. Наша редакционная граница значительно уже: отсутствие заранее предъявляемой пользы может не препятствовать встрече, если её реальные условия приемлемы. Эта граница не объединяет философов в одну традицию и не отменяет содержательных возражений к конкретному выбору.

Поэтому красоту можно оставить без окончательного оправдания и без окончательного определения её места в собственной жизни. Сегодня человек заметил узор, завтра хотел решить обычную задачу, позднее вернулся к произведению или не вернулся. Не каждое движение внимания требует большой биографии. Достаточно различать обещанное и предполагаемое, участие и чувство, интерес к форме и ответственность за действие. Если возник смысл, ему можно дать слова; если нет, необязательно заменять неизвестность красивым отчётом. Возможность не предъявлять пользу остаётся конкретной и ограниченной, но от этого не становится ничтожной. Она позволяет встретиться с предметом, не заставляя его заранее доказать, кем мы станем и что заработаем благодаря этой встрече.

Что это значит на практике

Если хочется проверить собственную формулировку, можно выбрать обычный безопасный предмет внимания: страницу, мелодию или узор в уже доступном месте. Упражнение необязательно; оно не предназначено для лечения или получения заданного состояния. Сначала достаточно назвать интерес без обещания: «Мне хочется ненадолго посмотреть». Не требуется объяснять, каким будущим улучшением этот интерес окупится.

Затем можно проверить только реальные условия: есть ли уже принятое обещание, ограничение времени или условие участия, которое следует учитывать. Это отдельный вопрос о действии. Если условия сейчас не подходят, допустимо изменить выбор или закончить. Отказ не требует доказать отсутствие красоты, а продолжение не доказывает, что все другие условия потеряли значение.

После встречи можно ничего не записывать. Если описание всё же нужно, полезно отличить наблюдение от ожидаемого результата: что было замечено, что действительно произошло, что остаётся неизвестным. Слова «я не знаю, что это изменило» допускают честную незавершённость. Продолжать, повторять, делиться впечатлением или не делать ничего из этого можно без обязательного отчёта о глубине и пользе.

Ключевая цитата

> *«Мы хотим знать лишь, сопровождается ли во мне это простое представление предмета удовольствием...»*

Иммануил Кант, «Критика способности суждения», § 2, английский перевод Дж. Г. Бернарда, печатная стр. 47; собственный перевод выбранного фрагмента.

Связи между традициями

1. **Кант, § 2, пример дворца и вопрос представления; Уайльд, предисловие, последнее предложение.** В обоих местах внешний интерес перестаёт быть единственным основанием обсуждения: Кант отдельно ставит вопрос об удовлетворении от представления, Уайльд полемически отказывается делать искусство полезным. Для темы это позволяет различить требование результата и внимание к форме. Граница существенна: кантовское различение видов суждения не является уайльдовским манифестом, а парадокс Уайльда не доказывает фактического отсутствия последствий.

2. **Аристотель, «Никомахова этика» X.7, созерцание как собственная цель; Уайльд, предисловие, заключение о бесполезности искусства.** Общий вопрос — нужно ли обосновывать деятельность отдельным продуктом за её пределами. У Аристотеля

созерцание ценится ради самой деятельности; у Уайльда художественное создание защищается от внешней полезности. Это поддерживает вопрос о внешнем отчёте, но не уравнивает предметы: аристотелевская иерархия счастливой жизни и уподобление божественному не описывают любое эстетическое впечатление, а уайльдовский парадокс не задаёт такую иерархию.

3. **Аристотель, X.6, отдых ради деятельности; Кант, §§ 3–5, приятное, прекрасное и хорошее.** Оба текста требуют назвать, какой вид отношения рассматривается, вместо одного общего слова «полезно». У Аристотеля отдых имеет инструментальную цель, у Канта удовлетворения различаются по отношению к интересу. Для темы это мешает автоматически оценивать всякую встречу с красотой как средство восстановления. Граница: философские различения не проверяют эффективности выбранной музыки или картины и не устанавливают современный метод отдыха.

4. **Уайльд, предисловие, хорошо и плохо написанные книги; Кант, § 5, замечание о манерах без добродетели.** Конкретное сходство — форма, которая производит впечатление, не совпадает с нравственным основанием. В статье это позволяет признать красивую фразу, сохранив вопрос о поступке и обещании. Различие сохраняется: Уайльд ведёт литературную полемику о классификации книги, Кант различает виды удовлетворения; ни одно место не освобождает современных участников от ответственности за давление или нарушение согласия.

5. **Аристотель, X.7, необходимые условия жизни созерцающего; Кант, § 2, дворец и отдельно обсуждаемый интерес.** В обоих местах ценность выбранного внимания можно отличить от условий существования и участия. Собственная цель не устраняет нужд, а вопрос вкуса не требует молчания о затратах и отношениях. Для темы это разделяет отсутствие обязательной пользы и наличие реальных ограничений. Граница: требования к необходимому у Аристотеля и кантовский мысленный пример не дают универсальной нормы расходов, доступа или чужих жертв ради красоты.

6. **Уайльд, предисловие, разногласие критиков; Кант, § 1, суждение вкуса как отношение к чувству.** Оба выбранных места помогают не делать описание предмета автоматическим приказом восхищаться. Уайльд литературно ценит разнообразие откликов, Кант отличает эстетическое суждение от познавательного. Для темы это оставляет пространство для несовпадающих впечатлений без обязательного общего результата. Граница: уайльдовское разногласие не гарантирует полезного обсуждения, а выбранный § 1 не заменяет всего последующего кантовского рассмотрения всеобщности вкуса.

Первоисточники

1. Иммануил Кант. «Критика способности суждения», §§ 1–5, в английском переводе Дж. Г. Бернарда: Project Gutenberg № 48433. В выбранных параграфах различаются эстетическое суждение, интерес, приятное и хорошее; в § 2 обсуждается дворец и удовлетворение от представления. На титульных страницах носителя указаны второй выпуск 1914 года и первый выпуск 1892 года. Фрагмент ключевой цитаты взят из § 2, печатная стр. 47. Текст перевода.

2. Оскар Уайльд. «Портрет Дориана Грея», полное предисловие в Project Gutenberg № 174. Использованы его рассуждения о художественной форме, классификации книг, разногласии критиков и последнее предложение, данное в эпиграфе. Это полемическая литературная программа, а не эмпирическое исследование последствий искусства. Дата конкретного печатного носителя на прочитанной странице не установлена. Предисловие.

3. Аристотель. «Никомахова этика», X.6–7, перевод У. Д. Росса, Internet Classics Archive. Полностью прочитаны выбранные главы об отдыхе, деятельности ради неё самой и созерцании с необходимыми условиями жизни. Особая иерархия деятельности и связь с божественным принадлежат аристотелевскому рассуждению; они не приняты как требование к каждому современному человеку. Книга X.

Русские цитаты — собственные переводы выбранного оригинального английского предложения Уайльда и фрагмента английского перевода Бернарда. Английские редакции сохраняют эти разные основания. Немецкий и древнегреческий оригиналы отдельно не сверялись. Сопоставления относятся к названным местам; бытовые сцены и границы участия являются самостоятельным рассуждением статьи, а не утверждением, что три автора разделяли одну эстетическую или этическую систему.

Теги

красота, эстетика, внимание, искусство, полезность, интерес, вкус, удовольствие, форма, созерцание, цель, свобода, выбор, условия, обещание, ответственность, согласие, границы, отдых, незавершённость, разногласие, чтение, Кант, Уайльд, Аристотель, философия, литературная программа, собственная цель, впечатление, повседневность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.